

УДК 343

**ПРЕСТУПНОСТЬ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ И
МЕТОДЫ БОРЬБЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР****Упоров Иван Владимирович,**

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Перлик Максим Игоревич,

соискатель

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

Дается характеристика преступности среди заключенных, отбывавших уголовное наказание в виде лишения свободы в советских исправительно-трудовых лагерях в послевоенном СССР, при этом акцент делается на так называемом «лагерном бандитизме», то есть, на наиболее тяжких преступлениях. Показываются методы борьбы администрации исправительно-трудовых лагерей и других правоохранительных органов в этом социально-опасным явлением. Представлен пенитенциарно-правовой анализ соответствующих официальных документов, научных трудов по заявленной теме. Отмечается, что причинами лагерного бандитизма была не только склонность заключенных к противоправной деятельности, но и недостатки в деятельности лагерной администрации. Соответственно руководству ИТЛ направлялись предписания по исправлению недостатков в борьбе с лагерным бандитизме.

Ключевые слова: лагерный бандитизм, ГУЛАГ, исправительно-трудовые учреждения, заключенные, режим содержания, докладная записка.

**CRIME IN CORRECTIVE LABOR CAMPS AND METHODS OF FIGHTING IN
THE POST-WAR USSR****Uporov I.V.,**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Perlik M.I.,

applicant

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

The characteristics of crime among prisoners serving criminal sentences in the form of imprisonment in Soviet correctional labor camps in the post-war USSR are given, with the emphasis being placed on the so-called “camp banditry”, that is, on the most serious crimes. The methods of combating this socially dangerous phenomenon by the administration of forced labor camps and other law enforcement agencies are shown. A penitentiary legal analysis of relevant official documents and scientific works on the stated topic is presented. It is noted that the reasons for camp banditry were not only the prisoners’ tendency to engage in illegal activities, but also shortcomings in the activities of the camp administration. Accordingly, the leadership of the labor camp was sent instructions to correct shortcomings in the fight against camp banditry.

Keywords: camp banditry, GULAG, correctional labor institutions, prisoners, regime of detention, memo.

Печально известный ГУЛАГ (Главное управление лагерей и исправительно-трудовых колоний) НКВД СССР функционировал практически четверть века (1930-1956 гг.). Это была жестко централизованная пенитенциарная система, управляемая крупнейшим главком НКВД СССР в лице ГУЛАГа. Несмотря на существование сначала Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. [1], а затем Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. [2], в которых содержался ряд общепризнанных пенитенциарных норм, фактически условия отбывания наказания заключенных в местах лишения свободы определялись ведомственными актами НКВД СССР и самого ГУЛАГа. При этом нужно иметь в виду, что в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) содержалась значительная часть осужденных за государственные преступления, среди которых в рассматриваемый послевоенный период в исправительно-трудовых лагерях и колониях все больше становилось дезертиров, бандеровцев, изменников Родины. Определенная часть заключенных была репрессирована незаконно (это показали последующие реабилитационные процессы во второй половине 1950-х гг.). Больше всего в ИТУ содержалось осужденных за общеуголовные преступления, включая тяжкие (убийства, разбои, грабежи и др.).

Достаточно строгие режимные условия в местах лишения свободы совокупность указанных категорий заключенных с учетом имевшихся в немалом количестве нарушений законности со стороны администрации исправительно-трудовых учреждений, приводила к конфликтным ситуациям внутри ИТЛ (такие массовые преступления были характерны именно для ИТЛ, а не для ИТК), доходивших до массовых беспорядков, в том числе масштабных, нередко именуемых в литературе как восстания заключенных и комментируемых с политической точки зрения (как протест против советской власти). Наиболее масштабные имели место после смерти Сталина в 1953 г. В этом контексте имеется немало публикаций о массовых неповиновениях заключенных в послевоенном СССР, в частности, в Горлаге (Норильск), Речлаге (Воркута), Степлаге (Джезказган) (авторы Детков М.Г., Земсков В.Н., Иванова Г.М., Кокурин А.И., Кузьмин С.И., Морозов Н.А., Петров Н.В., Рогачев М.Б. Упадышев Н.В., Еланцева и др.).

Однако при этом как правило из поля зрения исследователей выпадает не политическая, а бытовая составляющая реальной ситуации в ИТЛ, имея в виду массовое вовлечение заключенных в криминальные действия. И в этой связи следует заметить, что с начала 1950-х гг. массовые неповиновения заключенных в ИТЛ в основном приобретают

«бытовой» характер, то есть связываются, как правило, с противоправным поведением «бытовиков», конфликтами между враждующими группировками в ИТЛ, подоплека которых заключалась в стремлении одних заключенных («отрицаловка») обеспечить себе более комфортное пребывание в ИТЛ за счет других заключенных, используя при этом насилие, запугивание и другие противоправные методы (мы полагаем, как раз этого времени в местах лишения свободы стал формироваться такие категории заключенных, как «паханы», «смотрящие», в несколько измененных формах сохраняющиеся и в современной российской уголовно-исполнительной системе). Разумеется, задачи исправления и перевоспитания заключенных на основе привлечения к общественно-полезному труду при таком положении не могла решаться должным образом.

Причем «лагерный бандитизм» (этот термин использовался в официальных документах МВД СССР) в связи с большими сроками заключенных и после отмены смертной казни в 1947 г. стал получать все более широкое распространение в ИТЛ, причем в литературе это явление обозначается даже как «катастрофическая вспышка лагерной преступности», которую удалось локализовать только к 1952 г. [3, с. 158].

Такая тенденция была выявлена и проблема борьбы с лагерным бандитизмом была обозначена в ряде официальных документов. Так, в докладной записке зам. начальника ГУЛАГа А.З. Кобулова Министру внутренних дел СССР от 14 июня 1952 г. указывалось, что борьба с враждующими группами, пытающимися занять в ИТЛ главенствующую роль и жить за счет ограбления честно работающих заключенных, в большинстве ИТУ не организована, «в лучшем случае, одна из групп изымается из данного лагерного подразделения, а вторая остается и начинает творить свои преступные дела. В целях маскировки участники таких групп выходят на работу, однако, будучи на производстве, не работают и под угрозой убийства заставляют бригадиров начислять им высокие проценты выработки» [4, с. 274]. Далее последовала критика оперативных подразделений ИТЛ, которые создавали «видимое благополучие», в то время как «убийства отдельных заключенных бандитами за невыполнение их требований вследствие некачественного, поверхностного проведения расследования расцениваются как результат вражды между отдельными заключенными» [4, с. 274].

В данной докладной записке указывается, что наиболее неблагоприятное положение наблюдается в таких подразделениях, как Воркутинский ИТЛ, Норильский ИТЛ, Ухтоижемский ИТЛ, Дальстрой, Усольлаг, Южкузбаслаг, Севкузбаслаг, Устьвымлаг, Песчаный ИТЛ, Минеральный ИТЛ. Предписывается также, что для «вскрытия законспирированных групп бандитов» необходимо «путем организации квалифицированной агентурной работы и анализа причин всех происшествий и нарушений лагерного режима».

Действия, охватываемые лагерным бандитизмом, квалифицировались по ст. 59-2 действующего тогда УК РСФСР 1926 г. [5] Так, в одной из докладных записок указывается, что в первом полугодии 1952 г. за совершенные в местах лишения свободы преступления были привлечены к уголовной ответственности 9974 заключенных, при этом наибольшее число (1965 заключенных) были осуждены как раз за лагерный бандитизм, в то время как за контрреволюционную деятельность было осуждено 285 заключенных (за побеги были осуждены 1458 заключенных, за хищения социалистической собственности – 562 заключенных, хищения личной собственности – 83 заключенных, за прочие преступления – 2436 заключенных) [6, с. 284].

Ведомственная переписка показывает, что вышестоящие инстанции жестко требовали с руководителей ИТЛ принятия необходимых мер по сдерживанию лагерного бандитизма. В другой докладной записке указаны следующие причины бандитских проявлений в ИТЛ: невыполнение некоторыми начальниками ИТЛ приказов и указаний

МВД СССР в части размещения заключенных по статейным признакам и изоляции уголовно-бандитствующего элемента от остальных заключенных; слабая организация надзирательской службы по наблюдению за заключенными, особенно на производстве, и отсутствие со стороны офицерского состава контроля за работой надзирателей; неудовлетворительная работа режимно-оперативных аппаратов по организации квалифицированной агентурно-оперативной работы, особенно по приобретению целевой агентуры, способной своевременно вскрывать преступные замыслы уголовного рецидива и вести среди него «разложенческую работу»; слабая работа по борьбе с нарушениями лагерного режима, в числе которых отказы от работы, картежная игра, употребление алкоголя, непривлечение злостных нарушителей к уголовной ответственности [7, с. 291].

Особое внимание в этой докладной записке уделялось вопросам противодействия лагерному бандитизму, в частности, предписывалось своевременно реагировать по сигналам агентуры и членов так называемых «бригад содействия надзирательскому составу о готовящихся преступлениях в лагере»; принятие «решительных мер», и прежде всего работниками культурно-воспитательных частей по привлечению в трудовой процесс заключенных, не желающих честно отбывать срок наказания и отказывающихся от выхода на работу, так как заключенные, «продолжительное время не работающие, остаются в жилых зонах и, ничем не занятые, являются организаторами нарушений лагерного режима и ограблений честно работающих заключенных» [7, с. 294]. Здесь же указывалось, что в процессе привлечения заключенных к уголовной ответственности «в ряде лагерей следственная работа находится на низком уровне. Допускаются большой брак в следствии и нарушение норм УПК. Следствие по возбужденным уголовным делам проводится поверхностно, не всегда тщательно исследуются все моменты, приведшие к тому или другому преступлению» [7, с. 295].

Следует заметить, что проявления лагерного бандитизма в рассматриваемые годы (1952-1956 гг.) являлись одной из важнейших причин возникновения в ИТЛ массовых неповиновений, поскольку заключенные-бандиты создавали конфликтные ситуации, зачастую очень острые, между «отрицаловкой», с одной стороны, и «мужиками» (заключенные, соблюдающие режим содержания и стремящиеся к досрочному освобождению), с другой стороны, а также между той же «отрицаловкой» и «суками» (на преступном жаргоне это заключенные, сотрудничавшие с лагерной администрацией). Такие конфликты нередко выливались в массовые беспорядки, в некоторых случаях подавлять их приходилось с применением оружия.

Нужно также подчеркнуть, что лагерный бандитизм проявлялся в основном в обычных ИТЛ. Что касается особых лагерей, созданных в 1948 г., то там в силу характера преступлений, за совершение которых в них направляли осужденных (преимущественно за государственные преступления, особо тяжкие «бытовые» преступления), возникали конфликты между заключенными-«политическими» и заключенными-«бытовиками», что приводило к массовым неповиновениям на бытовой основе. Вместе с тем именно в особых лагерях возникали целенаправленные массовые неповиновения политического (антисоветского характера) в форме создания повстанческих организаций. Соответственно привлечение заключенных, участвующих в такого рода массовых неповиновениях, осуществлялось в основном по ст. 58-10, 58-11, 58-14 УК РСФСР, и, как правило, добавлялась «бандитская» статья (ст. 59-2 УК РСФСР), при этом часто (очевидно, в большинстве случаев), применялась также ст. 20 УК РСФСР, то есть речь шла об уголовной ответственности за покушение на совершение соответствующего преступления.

С упразднением ГУЛАГа как организационной управленческой структуры в исправительно-трудовой системе, что произошло в 1956 г., то есть, с началом хрущевской «оттепели», масштабы лагерного бандитизма в советских исправительно-трудовых

учреждений стали заметно уменьшаться, соответственно ИТУ в стали больше внимания уделять общепризнанных пенитенциарным мерах воздействия на лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Список литературы:

1. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10. 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.
2. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 01.08. 1933 г. // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
3. Таймасов Р.Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в советском государстве 1917-1958 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Докладная записка заместителя начальника ГУЛАГа А.З. Кобулова Министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову об агентурно-оперативной работе режимно-оперативных отделов ИТЛ и К за первый квартал 1952 г. от 14.06. 1952 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 т. Т. 6 / Отв. ред. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 274-276.
5. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р» (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 60.
6. Докладная записка начальника ГУЛАГа И.И. Долгих заместителю министра внутренних дел СССР И.А. Серову о выполнении плана организационно-практических мероприятий ГУЛАГа за первое полугодие 1952 г. от 06.08. 1952 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 т. Т. 6 / Отв. ред. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 284-287.
7. Докладная записка начальника ГУЛАГа И.И. Долгих Министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову об итогах работы режимно-оперативных отделов (отделений) ИТЛиК за первое полугодие 1952 г. от 18.09. 1952 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 т. Т. 6 / Отв. ред. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 291-295. \

References:

1. Correctional Labor Code of the RSFSR dated 16.10. 1924 // SU RSFSR. 1924. No. 86. Art. 870.
2. Correctional Labor Code of the RSFSR dated 01.08. 1933 // SU RSFSR. 1933. No. 48. Art. 208.
3. Taimasov R.N. Legal regulation of the fight against banditry in the Soviet state 1917-1958. (historical and legal research): dis. ...cand. legal Sci. M., 2010.
4. Memo of the deputy head of the Gulag A.Z. Kobulov to the USSR Minister of Internal Affairs S.N. Kruglov about the agent-operational work of the regime-operational departments of ITL and K for the first quarter of 1952 from 14.06. 1952 // History of Stalin's Gulag. Late 1920s - first half of the 1950s. Sat. documents in 7 volumes. T. 6 / Rep. ed. V.A. Kozlov. M.: ROSSPEN, 2004. pp. 274-276.

5. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926 "On the introduction into force of the Criminal Code of the R.S.F.S.R." (together with the "Criminal Code of the R.S.F.S.R.") // SU RSFSR. 1926. No. 80. Art. 60.
6. Memo by the head of the Gulag I.I. Dolgikh to Deputy Minister of Internal Affairs of the USSR I.A. Serov on the implementation of the plan of organizational and practical measures of the Gulag for the first half of 1952 dated 06.08. 1952 // History of Stalin's Gulag. Late 1920s - first half of the 1950s. Sat. documents in 7 volumes. T. 6 / Rep. ed. V.A. Kozlov. M.: ROSSPEN, 2004. pp. 284-287.
7. Memo by the head of the Gulag I.I. Dolgikh to the Minister of Internal Affairs of the USSR S.N. Kruglov on the results of the work of the operational departments (departments) of ITLIK for the first half of 1952, dated September 18. 1952 // History of Stalin's Gulag. Late 1920s - first half of the 1950s. Sat. documents in 7 volumes. T. 6 / Rep. ed. V.A. Kozlov. M.: ROSSPEN, 2004. pp. 291-295.